

DOI: 10.15372/HSS20200303
УДК 821.161.1

И.А. ЛОБАКОВА

ПОВЕСТЬ XVII в. «ОБ УБИЕНИИ БОРИСА И ГЛЕБА»: РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ И ЗАПИСИ ДУХОВНЫХ СТИХОВ

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
РФ, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

В статье рассматривается проблема соотношения духовных стихов и их книжных переработок на примере рукописной повести XVII в. «Об убиении Бориса и Глеба», текст которой был опубликован в 1860-х гг. П.А. Бессоновым в его сборнике «Калеки переходные». В основу публикации одной из приводимых версий лег список, предоставленный К.Ф. Калайдовичем. Список был сделан им с неуказанной рукописи из библиотеки графа Ф.А. Толстого. Удалось идентифицировать эту рукопись (современный шифр – РНБ, О. I. 61, 1670–1680-е гг.). Анализ текста повести позволил прийти к выводу, что невозможно доказать безусловность влияния духовного стиха о Борисе и Глебе на повесть (нельзя исключить возможность и обратного влияния). Если даже согласиться с тем, что духовный стих первичен, то его письменная фиксация изменила жанровую принадлежность произведения, поэтому книжную переработку сложно отнести к духовным стихам.

Ключевые слова: духовные стихи, книжная переработка текста, князя Борис и Глеб, повесть XVII в.

I.A. LOBAKOVA

THE XVII CENTURY STORY “ON THE MURDER OF BORIS AND GLEB”: MANUSCRIPT TRADITION AND SPIRITUAL VERSES RECORDS

Institute of Russian Literature (Pushkin’s House) RAS,
4, Makarov emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation

The article objective is to find out to what extent the story “On the murder of Boris and Gleb”, the earliest copy of which is in the manuscript of 1670-80s, correlates with the records of spiritual verses about Boris and Gleb. It was first published in the miscellany of spiritual verses by P.A. Bessonov in 1861 in his collection “The Itinerant Cripples”. There is a steady tradition to consider the story as a spiritual verse, although the scientist noticed that he had received the text from K. F. Kalaydovich, who handed him a copy of literature work from Count F. A. Tolstoy’s library, emphasizing that this copy was a book remake of the verse. It is rather difficult to give convincing proof of the oral tradition’s duration of folklore works. Besides, it is not clear to what extent the written fixation made in the New time is correlated with the oral version. Spiritual verses about Boris and Gleb were the subject of a special study by L. S. Soboleva, who considered spiritual verses and their book modifications as something unified. The researcher focused on identifying folk-poetic ideas about the first Russian saints in understanding the conflict and developing the plot among Old Believers. She found and published 4 new copies of the book version in the Ural collections of the late XVIII-XX centuries. The article reveals that when the text was included into the manuscript collection, it lost the rhythmic characteristic of spiritual poems, a number of motifs changed, and separate details were added. On the author’s opinion, the text originally reworked from the late XVII-century version was several times rewritten (the manuscript of F. A. Tolstoy collection including the earliest known copy of the story “On the Murder of Boris and Gleb” has been found in Russian National Library, Department of Old-Printed Books and Manuscripts, Inv. O. I. 61). So-called book versions of the spiritual verse are textologically connected, having received a steady handwritten tradition, mainly among Old Believers. The author prepared for publication the earliest copy of the novel to which later copies ascend.

Key words: spiritual verse, book revision of the text, Princes Boris and Gleb, XVII century story.

Ирина Анатольевна Лобакова – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, e-mail: irinairli@mail.ru

Irina A. Lobakova – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Department of the Middle Ages Russian Literature of Institute of Russian Literature (Pushkin’s House) RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Рассуждая о «стилистических контрастах» литературных произведений XVII в., Н.С. Демкова пришла к важному выводу: «... в эпоху бурного развития литературного творчества в посадской, крестьянской среде, в среде низшего и среднего духовенства, <...> многообразным было само использование стилистических и жанровых моделей, накопленных литературой к XVII в. “Стилистической пестротой” отмечен ряд памятников народной – демократической – беллетристики, создатели которых для “построения” собственного текста заимствовали и сюжетные коллизии, и типы персонажей, и блоки устойчивых литературных описаний из различных жанровых образцов...» [1, с. 182-183]. С этого времени рукописные сборники, отличающиеся стилистической пестротой, активно переписывались на протяжении XVIII – XIX вв. Анализируя произведения народной беллетристики, ориентированные на различные повествовательные модели, Н.С. Демкова отметила: «В литературных памятниках “переходного” семнадцатого века начинает формироваться качественно новый историзм литературы: историзм не факта, не реального события, легшего в основу текста, а общей идеи произведения, исторически (а иногда и социально) обусловленное отношение авторов к изображенным в повестях героям и обстоятельствам» [1, с. 193].

**«ПОВЕСТЬ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ»
В СБОРНИКЕ XVII в.**

В связи с этим небольшая по объему повесть «Об убиении Бориса и Глеба» предоставляет интересный материал для анализа. Князя Борис и Глеб с момента стремительного сложения их культа [2] стали фигурами знаковыми в истории и культуре Руси. В XVII в. активно переписывался широкий круг летописных и агиографических памятников, посвященных страстотерпцам, но в рукопись 1670 – 1680-х гг. из собрания РНБ (ОСРК О. 1. 61) был включен текст, связь которого с его источником – Сказанием о Борисе и Глебе – оказалась достаточно опосредованной.

Впервые памятник ввел в научный оборот еще в 1861 г. П.А. Бессонов [3, с. 657–659]. Издавая духовные стихи, в том числе подборку о Борисе и Глебе, ученый поместил среди произведений, записанных от сказителей, книжные по происхождению тексты, отметив при этом, что «в предыдущих стихах видна книжная переделка (выделено мною. – И.Л.) из народных сказаний и стихов» [3, с. 669]. Исследователь назвал источник публикации: «Найдено, списано и приготовлено вместе с другими стихами к печати К.Ф. Калайдовичем, когда рукопись принадлежала еще Н.И. Матрунину, потом перешла она к Ф.А. Толстому; разумеется, мы приняли текстом список, сделанный Калайдовичем» [3, с. 659]. Никаких других сведений о рукописи, в которой читалась, по мнению П.А. Бессонова, книжная обработка стиха, приведено издателем не было.

Однако замечания о том, что текст был передан К.Ф. Калайдовичем, а рукопись находилась в собрании графа Ф.А. Толстого, с очевидностью диктовали необходимость обратиться к Описанию рукописей его собрания [4]. В Отделе III под № 5 этого описания среди составляющих сборник произведений на с. 564 упомянуто «Убиение свв. благоверных князей Бориса и Глеба». При обращении к тексту произведения подтвердилась гипотеза о том, что К.Ф. Калайдович передал П.А. Бессонову для издания список повести именно из этого кодекса (современный шифр – РНБ, ОСРК О. 1. 61).

Собственно, после публикации списка в подборке духовных стихов и сложилась устойчивая традиция рассматривать повесть «О Борисе и Глебе» как духовный стих, получивший письменную фиксацию. В связи с этим и возникла необходимость рассмотреть проблему соотношения духовного стиха о Борисе и Глебе и его книжной обработки.

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ
ДУХОВНОГО СТИХА О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ
И «ПОВЕСТИ ОБ УБИЕНИИ БОРИСА И ГЛЕБА»**

Прежде всего отметим, что введенное исследователями понятие «духовный стих» объединяет широкий круг памятников. Так, Ю.А. Новиков в специальной работе обратил внимание, что «термин “духовный стих” объединяет разнообразный по форме и содержанию материал. К этому жанру относят и так называемые “старшие” стихи, испытавшие сильное воздействие былин, и произведения лиро-эпического и лирического характера» [5, с. 208]. Отличительной особенностью произведений в устном бытовании является, с точки зрения исследователя, тот факт, что «имена собственные чужды народной поэзии, связаны с книжными источниками и поэтому в крестьянской среде быстро выбываются или деформируются» [5, с. 218].

Проблема идентичности фольклорного текста и его письменных фиксаций в XVIII – XIX вв. является одной из наиболее сложных. Этому вопросу посвящены многие исследования: довольно затруднительно привести убедительные доказательства относительно длительности устного бытования памятников всех народов (т.е. к какому времени следует относить *создание* произведения). Данная проблема, в частности, находится в сфере интересов исследователей скандинавских саг [6]. Кроме того, остается неясным, до какой степени письменная фиксация, сделанная в Новое время, соотносима с устной версией произведения. Как справедливо отмечалось, «при спорадически декларируемом <...> различии “фольклора” и “нефольклора” это различие никогда не было достаточно последовательным» [7, с. 44]. К.А. Богданов счел необходимым подчеркнуть, что «словосочетания “городской фольклор” или, например, “письменный фольклор” должны считаться абсурдными или, во всяком случае, научно незаконными» [7, с. 45]. Заметим, что вопросы о соотношении фольклорных и книжных

текстов, а также о том, какие из них были источником влияния на другие, по-прежнему предполагают неоднозначность решений. Убедителен вывод исследователя о том, что «непредвзятый подход к фольклорному материалу показывает, что анализ этого материала вне учета книжного влияния, воздействия церковной и светской культуры, как правило, не объясняет ни его происхождения, ни его реального бытования» [7, с. 49].

В исследованиях духовных стихов, записанных собирателями в XX в., отмечалась разная степень распространенности их сюжетов (наиболее частотными признаны «Алексей, человек Божий», «Егорий Храбрый», «Два Лазаря», «Никола чудотворец», «Михаил Архангел» и «Христово Воскресение») [8, с. 318–348], среди них стих о Борисе и Глебе назван редким.

Л.С. Соболева посвятила специальное исследование письменной фиксации сюжета об убийстве Бориса и Глеба, отметив ряд несовпадений с устной версией в издании П.А. Бессонова [9, с. 309–337]. Опираясь на мнения предшественников о духовных стихах как о произведениях, в которых нашло воплощение народное сознание, в которых проявляется процесс народного творчества, исследовательница и устно-поэтическую форму бытования, и книжные «версии» рассматривает как некий единый «книжно-фольклорный текст». В качестве основных задач своей работы Л.С. Соболева назвала стремление «выявить в содержании духовного стиха народно-поэтические представления о первых русских святых, выраженные в понимании конфликта и развитии сюжета, определить поэтические средства книжно-фольклорного текста и, наконец, раскрыть старообрядческий контекст, в котором бытовали духовные стихи» [9, с. 310]. Поскольку исследовательница склонна рассматривать *книжную перделку*, как подчеркивал еще П.А. Бессонов, духовных стихов и духовные стихи как нечто единое, ей приходится в большей степени сосредоточиться на общих принципах организации текстов. Особое внимание Л.С. Соболева обратила на детали, свидетельствующие, по ее мнению, о крестьянском осмыслении в истолковании событий (приготовленный Святополком хлеб-соль требует должного уважения от Бориса и Глеба, традиции раздела имущества в крестьянских семьях между старшими братьями и младшим, возникший конфликт между старшими и младшими братьями в связи с распадом патриархальной крестьянской семьи, опасность братоненавистничества в семейном кругу).

Исследовательница отметила и некоторые отличия в записях духовных стихов и рукописных текстах. Так, в устных версиях число сыновей князя Владимира могло варьироваться: называлась цифра, известная по летописным источникам, – 12, могло быть 9, в рукописных сборниках, как правило, указано эпическое число – 3. В произведениях устной традиции, по замечанию исследовательницы, обычно содержится мотив материнского запрета сыновьям ехать на встречу со Святополком. В устных вариантах Святополк творит

зло по собственному решению, в то время как в книжных переработках его советником выступает дьявол. В рукописных текстах читается мольба Бориса и Глеба, восходящая к молению Глеба в Сказании о Борисе и Глебе. Описание Божьего гнева после убийства братьев Святополком в произведениях книжной традиции явлено «всей вселенной». В устных вариантах святые князя исцеляют болезни, в рукописных – они не только врачуют, но и защищают землю от вражеского нашествия.

Признавая, что в основе духовного стиха лежит литературное произведение – Сказание о Борисе и Глебе, Л.С. Соболева полагает, что основной конфликт, имеющий «ярко выраженный политический и религиозный характер, <...> духовный стих превращает <...> в семейно-бытовой» [9, с. 324].

Важно отметить, что исследовательница ввела в научный оборот четыре старообрядческих списка конца XVIII – начала XX в. – из собрания Уральского государственного университета [9, с. 330–337], это расширяет представление о количестве письменных памятников о гибели Бориса и Глеба. При этом, на наш взгляд, более корректным было бы называть духовными стихами варианты текста, записанные от их исполнителей собирателями. А тексты, включенные в рукописные сборники, утратившие присущую духовным стихам ритмику, изменившие ряд мотивов, а также добавившие в сюжет отдельные детали, более справедливо считать повестями. Поскольку самый ранний из известных списков повести относится к последней четверти XVII в., то он попадает в ряд тех «пестрых» повестей, в которых велико влияние фольклора. Как уже было замечено, «изменение роли и удельного веса фольклора в русской культуре XVII в. – важнейший фактор, с которым нужно связывать неожиданный, на первый взгляд, и бурный расцвет беллетристики» [10, с. 477].

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА «ПОВЕСТИ ОБ УБИЕНИИ БОРИСА И ГЛЕБА»

Представляется необходимым внести некоторые добавления к уже существующим наблюдениям. Прежде всего, вызывает сомнение целесообразность при публикации книжных переработок духовных стихов пытаться передать их как текст поэтический, разбивая его на строфы, следуя в этом за принципами издания XIX в. П.А. Бессонова (в предложенной Л.С. Соболевой разбивке на «строфы» публикуемых текстов чередование слогов произвольно: 7-8-8-8-7-9-9-9-8-10 и т.д.). Кроме того, благодаря публикации Л.С. Соболевой стало возможным обнаружить, что изданные тексты текстологически связаны между собой, а не являются записями духовных стихов, сделанными в свое время в различных районах Урала. При некоторых индивидуальных чтениях (лексических заменах, утратах текста и сокращениях) все они, на наш взгляд, восходят к тексту из собрания РНБ XVII в. Таким образом,

повесть имеет длительную (более 200 лет) рукописную традицию.

Обращает на себя внимание и то, что в устных версиях духовного стиха наблюдается широкая вариативность имени главного антагониста героев – Святополка. Его имя может интерпретироваться как «Святополк», «Святы-полки», «Опорхол», «Святой Пок», что подтверждает приводившееся выше наблюдение Ю.А. Новикова о чуждости имен собственных народной поэзии.

Соглашаясь с выводом Л.С. Соболевой о том, что в текстах «рукописной традиции сохраняется мотивировка житийного характера – мысль об убийстве пришла Святополку по наущению дьявола» [9, с. 316], добавим, что в повести и дьявол, и Святополк наделены единой характеристикой. Сначала о дьяволе сообщается в традиционных устойчивых формулах: «О, злый ненавистникъ, врагъ, властолюбецъ богомерзский (выделено мною. – И.Л.)! Не может зрѣти богодержцовъ! Вложиша в сны Святополку – помыслиша и наустиша, аки Каинъ на Авеля, побити Бориса и Глѣба» (л. 305 об.).¹ Почти теми же словами говорится в повести о Святополке при встрече им в поле братьев: «Он злый ненавистникъ, врагъ, встречается ихъ, злый...» (л. 307). Перед убийством Бориса и Глеба набор эпитетов, которым наделен Святополк, полностью совпадает с характеризующим дьявола: «Он злый ненавистникъ, врагъ, властолюбецъ богомерзский! На слезы ихъ не взирает, моления не слушает, прошения не приемлет» (л. 306 об. – 307).

Примечательно, что и в духовных стихах, и в повести Святополк не просто сам вызывает братьев на совет и пир, едет на встречу с ними, отвергает их моление о пощаде, но и сам убивает их: «Бориса же копиемъ прободоша, Глѣба же ножемъ заклаша, верзиль тѣло ихъ при пути, обнажилъ, яко разбойникъ» (л. 307). И лишь затем, словно ниоткуда, появляются приближенные Святополка: «Повелѣлъ влачити святыхъ телѣса, промежу дву кладь погрузити» (л. 307).

Отметим, что если в духовных стихах присутствует похвальба Святополка после убийства Бориса и Глеба, то в повести об этом ничего не сообщается.

При этом в повести более подробно описание гнева Бога на братоубийцу. В духовных стихах, опубликованных П.А. Бессоновым (с некоторыми лексическими разночтениями), об этом говорилось кратко: «Не потерпел Господь хвалы его: Двух ангелов посылая, Повелел подрезати под ним землю. Земля с кровию смешалася, Емчила второго потопа, Всиленная вжаснулася» [3, с. 631]. В повести сообщается, что

Святополк после убийства братьев вместе со своими воинами поехал с радостью в Вышеград, а далее читаем: «Под ним земля колебася, аки волна ветру морьскаго. Повелѣлъ Господь аггеломъ обрѣзати окрестъ землю, вознесоша же до небеси, снидоша же и до ада, аки три града Хоразины. Лице солнцу во тму закрыся и бысть мракъ четыре дни: ужасеся вся вселенная – чаяли втораго потопа» (л. 307 об.). Можно обнаружить в данном фрагменте сосуществование фольклорной и книжной стилистики. Так, упоминание о колебании земли, с одной стороны, отсылает к былинным образам, а уточняющее сравнение – как морской волны от ветра – к книжной традиции; сравнение земли, поднятой до неба и обрушенной с братоубийцей в ад, с Хоразиним, является реминисценцией, отмеченной Л.С. Соболевой [9, с. 336], строк Евангелия от Матфея, где эти слова отнесены к Капернауму: «И ты, Капернауме, иже до неба вознесыйся, до ада снидеши» (Матф., 11, 23).

«ПОВЕСТЬ ОБ УБИЕНИИ БОРИСА И ГЛЕБА» И СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ

Состав сборника, тематика которого близка интересам старообрядцев, содержит агиографические произведения (Житие Зосимы Соловецкого, Чудеса Зосимы и Савватия Соловецких, Мучение Улиянии), выписки из Великого зеркала, Златой цепи, Кормчей, Катехизиса, эсхатологические произведения (Слово Ипполита папы Римского об Антихристе, Зерцало душезрительное о кончине и об Антихристе), Повесть о царице и львице, Поучение аввы Дорофея и др. В качестве факта, который может подкрепить предположение о бытовании Повести в старообрядческой среде, можно назвать завершающую формулу «во вѣки вѣкомъ». На наш взгляд, состав сборника свидетельствует о том, что текст повести «Об убийении Бориса и Глеба» воспринимался составителем-старообрядцем в 70-80-х гг. XVII в. как произведение, связанное с агиографической традицией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представляется важным опубликовать текст повести «Об убийении Бориса и Глеба» по старшему из известных к настоящему времени списков, так как в раритетном издании П.А. Бессонова текст опубликован с некоторыми ошибками и разбит на строфы, что не вполне корректно по отношению к повествовательной модели.

УБИЕНИЕ СВЯТЫХ БЛАГОВѢРНЫХЪ КНЯЗЕЙ БОРИСА И ГЛѢБА

Восточная держава славнаго Киева-града великий Владимиръ-князь имѣлъ у себе три сына: старѣйшаго Святополка, меньших же – Бориса и Глѣба. Раздѣляше же Росию всю сыновомъ своим на три часьти: Святополку – Черниговъ-градъ, Борису и Глѣбу – воспредѣлы. Преставися Владимиръ-князь в дому своемъ святолѣпно и благочестно, после его чады его разыдошася въ свои // (л. 305 об.) грады.

О, злый ненавистникъ, врагъ, властолюбецъ богомерзский! Не может зрѣти богодержцовъ! Вложиша в сны Святополку – помыслиша и наустиша, аки Каинъ на Авеля, побити Бориса и Глѣба. Послав же к ним посланника, посланный лист

¹ Здесь и далее текст Повести цитируется по издаваемому списку, указание на листы дается в круглых скобках.

написаша, на совѣтъ к себѣ призываше – на пиршество пировати. Благовѣрныя князи Борисъ и Глѣбъ посланный листъ прочитае, поклонилася предъ матерью, // (л. 306) поехала к Святополку.

Он злый ненавистникъ, врагъ, встречает ихъ, злый, в чистом полѣ, свирѣпо на них взираша, гнѣва съ яростию смѣшаше, аки аспид плещу пуцавъ на благовонныя цвѣты. Видѣвъ же святыи бѣду свою, слезами лица умываше, главы к ногамъ приклоняше, умильно к брату вѣщааша. Возопиша прекрасная два брата Борисе и Глѣбе: «О, брате нашъ старѣйший! Великий княже Святополче! Или хоцещи владѣти нами и всею великою Росиею? // (л. 306 об.) Имѣй ты насъ в дому своемъ в работѣ вѣрно слугами. Воспомяни отца нашего, иже насъ с тобою породилъ, не сотвори злыя плачи рождшей матери нашей, не учини печали всѣмъ о Христе сродникамъ нашим! Не рѣжь класы незрѣлыя, не поправъ нивы неспѣлыя! Не отрыгни винограду сеи кореня от сыры земли, не подрѣжь лозы неплодныя! Еще суть мы вельми млади и не имамы злаго порока!»

Он злый ненавистникъ, врагъ, властолюбецъ бого// (л. 307) мерзкий! На слезы ихъ не взирает, моления не слушает, прошения не приемлет. Похитиша, яко волцы, с немилостию накониса, не пощаждѣлъ двухъ неклосныхъ агнецъ – князей Бориса и Глѣба. Бориса же копиемъ прободоша, Глѣба же ножемъ заклаша, верзилъ тѣло ихъ при пути, обнажилъ, яко разбойникъ. Повелѣлъ влачити святыхъ тѣлеса, промежду дву кладь погрузити.

Сѣдоша же со воины на свои добрыя кони, поехала радуясь во славный // (л. 307 об.) великий Вышь-градъ. Под нимъ земля колебася, аки волна вѣтру морскаго. Повелѣлъ Господь аггеломъ обрѣзати окрестъ землю, вознесоша же до небеси, снидоша же и до ада, аки три града Хоразины.

Лице солнцу во тму закрыся, и бысть мракъ четыре дни: ужасеся вся вселенная – чаяли втораго потопа. Ни звѣрь, ни птица не пояде, ни мрачное повреждение – проявил Господь от святыхъ мощей огненный столпъ и до небеси. // (л. 308) Снидоша же держатели – князи русьстии, внесоша же святыхъ мощи во славный велкий во Вышь-град, построили имъ во имя священную каменную церковь.

Благодать Богъ хромымъ дает хождение от святыхъ мощей, болящимъ же исцѣление, слѣпымъ даетъ прозрѣние, сыновомъ русскимъ поможение – Росия вся спасается от варварскаго нашествия всегда. И нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ОСРК О. I. 61 (1670-80-ые гг.). Л. 305 – 308

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Демкова Н.С. Средневековая русская литература: Поэтика. Интерпретация. Источники. СПб., 1997. 219 с.
2. Милютенко Н.И. Святые князья-мученики Борис и Глеб. Исследование и подготовка текстов. СПб., 2006. 431 с.
3. Бессонов П. [А.] Калеки переходные: Сборник стихов и исследования. М., 1861. Ч. 1, вып. 3. С. 625 – 659.
4. Калайдович К. [Ф.] и Строев П. [М.] Описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в собрании графа Ф.А. Толстого. М., 1825.
5. Новиков Ю.А. К вопросу об эволюции духовных стихов // Русский фольклор. Материалы и исследования. Л., 1971. С. 208 – 220.
6. Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий. Свод «Древнейшие источники по истории Восточной Европы». М., 2016. 240 с.
7. Богданов К.А. Фольклорная действительность: традиция, метод, перспективы изучения // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб., 2001. Т. 31. С. 42 – 66.
8. Петрова Л.И. Духовные стихи на Мезени (из полевых тетрадей А.М. Астаховой 1928 г.) // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб., 2004. Т. 32. С. 318 – 348.
9. Соболева Л.С. Воплощение святости Бориса и Глеба в духовных стихах // Борисо-Глебский сборник. Collectanea Boriso-Glebica. Paris, 2009. Вып. 1. С. 309 – 337.
10. Демкова Н.С., Лихачев Д.С., Панченко А.М. Основные направления в беллетристике XVII в. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 476 – 561.

REFERENCES

1. Demkova N.S. Medieval Russian Literature: Poetics. Interpretation. Sources. Saint Petersburg, 1997, 219 p.
2. Milyutenko N.I. Saint Princes-Martyrs Boris and Gleb. Research and texts. Saint Petersburg, 2006. 431 p.
3. Bessonov P. [A.] Itinerant Cripples. Collection of Verses and Research. Moscow, 1861. Ch. 1, iss. 3, pp. 625 – 659.
4. Kalaidovich K. [F.], Stroeve P. [M.] Description of the Slavico-Russian manuscripts stored in Moscow in the collection of count F.A. Tolstoy. Moscow, 1825.
5. Novikov Yu.A. To the issue of spiritual verses' evolution. *Russkiy fol'klor. Materialy i issledovaniya*. Leningrad, 1971, pp. 208–220. (In Russ.)
6. Glazyrina G.V. Icelandic Vikings sagas about the Northern Rus': texts, translation, comments. Moscow, 2016, 235 p. (In Russ.)
7. Bogdanov K.A. Folklore reality: traditions, method, prospects of studying. *Russkiy fol'klor. Materialy i issledovaniya*. Saint Petersburg, 2001, vol. 31, pp. 42–66. (In Russ.)
8. Petrova L.I. Spiritual verses on Mezen (A.M. Astakhova's workbooks of 1928). *Russkiy fol'klor. Materialy i issledovaniya*. Saint Petersburg, 2004, vol. 32, pp. 318–348. (In Russ.)
9. Soboleva L.S. Embodiment of Boris and Gleb holiness in spiritual verses. *Collectanea Boriso-Glebica*. Paris, 2009, iss. 1, pp. 309 – 337. (In Russ.)
10. Demkova N.S., Likhachev D.S., Panchenko A.M. Mainstream trends in the belle lettre of the XVII century. *Istoki russkoy belletristiki. Vozniknovenie zhanrov syuzhetnogo povestvovaniya v drevnerusskoy literature*. Leningrad, 1970, pp. 476–561. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.04.2020

Дата рецензирования 26.05.2020

Статья принята к публикации 15.06.2020